

Догматъ Искуплєнія.

I.

За послѣднiя 30 лѣтъ этотъ основной догматъ нашей вѣры, т. е. его формированiе подвергается постоянной переработкѣ, точнѣе—попыткамъ его переработать, и притомъ съ тою отрадною противоположностью всякимъ инымъ новшествамъ въ нашей, очень скудной со стороны творчества, богословской наукѣ,—что переработка эта направляется не противъ православiя и даже не въ сторону отъ него, а напротивъ—къ истинному православiю, съ желанiемъ освободить богословскую науку, преподаваемую въ богословскихъ школахъ, а равно и катихизисъ школьный, отъ инославныхъ наслоенiй. Конечно, какъ въ другихъ случаяхъ, такъ и здѣсь отрицательная часть переработки, т. е. критика принятаго въ школахъ истолкованiя названнаго догмата, исполнена во много разъ обстоятельнѣе, т. е. и подробнѣе, и убѣдительнѣе, нежели положительная сторона дѣла, т. е. замѣна искаженнаго ученiя правильнымъ. Прямого отвѣта на вопросъ, почему для насъ спасительны Христово воплощенiе, страданiя и воскресенiе, отвѣта, сколько-нибудь яснаго, не дано еще никѣмъ, если не считать маленькой передовицы въ Церковномъ Вѣстникѣ 1890 года и статейки въ Богословскомъ Вѣстникѣ 1894 года, коихъ авторомъ былъ пишущiй эти строки. Да не подумаетъ читатель, что мы уже навязываемъ ему свое рѣшенiе дѣла, какъ не подлежащее опроверженiямъ: допустимъ, что оно вовсе неправильно,—но утверждаемъ: на приведенный догматическiй вопросъ это пока единственный

прямой и положительный отвѣтъ, а прочіе авторы либо ограничивались критикой схоластическаго ученія,—правда, критикою нерѣдко высокоцѣнною, какъ по глубинѣ мыслей, такъ и по богатству эрудиціи; либо предлагали въ отвѣтъ на поставленный вопросъ общую, весьма мало опредѣленную мысль, напримѣръ: Иисусъ Христосъ искупилъ насъ не столько Своими страданіями, сколько самымъ воплощеніемъ Своимъ,—и только. Впрочемъ, къ этой мысли мы еще возвратимся, а пока остановимся, хотя въ общихъ чертахъ, на современной критикѣ школьно-католическаго и школьно-богословскаго ученія о семь догматѣ. Въ настоящее время въ наукѣ достаточно выяснено, что это ученіе: 1) заимствовано всецѣло изъ неправославнаго латинскаго ученія въ его формулировкѣ Ансельмомъ Кентерберійскимъ, Томой Аквина томъ и Петромъ Ломбардомъ; 2) его нѣтъ ни въ Св. Библии, ни у святыхъ Отцевъ, ибо ни тамъ, ни тамъ не встрѣчаемъ термина *заслуги* и *удовлетворенія*, на каковыхъ юридическихъ понятіяхъ всецѣло покоится современное школьное ученіе объ Искупителѣ; 3) доказано, что это ученіе не можетъ быть согласовано ни съ ученіемъ о Божественной правдѣ, ни съ ученіемъ объ Его милосердіи, хотя оно и претендуетъ на введеніе сюда и того и другого Божественнаго свойства. Интересующихся первыми двумя пунктами отсылаемъ къ небольшой, но очень цѣнной статьѣ профессора протоіерея Свѣтлова:—„Разборъ ученія Ансельма—*Cur Deus homo*“ (Для чего Богъ сталъ человѣкомъ), затѣмъ къ магистерской диссертациі Архіепископа Сергія: „Православное ученіе о спасеніи“ и къ кандидатской Іеромонаха Тарасія: „Московскіе и Кіевскіе богословы 16-го и 17-го вѣка“ (Миссіонерское Обозрѣніе 1902 г.), гдѣ показано, какъ мало похожи творенія послѣднихъ, заимствованныя изъ католическихъ источниковъ, на творенія первыхъ, писавшихъ внѣ вліянія западныхъ теологовъ: здѣсь разумѣлись Іосифъ Волоколамскій, Зиновій Отенскій и Максимъ Грекъ, а подъ Кіевскими—Лаврентій Зизаній и Петръ Могила, но оставленъ безъ вниманія (скажемъ кстаті) почти самостоятельный малороссійскій богословъ Кириллъ Транквилліонъ напечатавшій въ 1618 году „Зерцало богословія“ въ Почаевскомъ монастырѣ, но къ концу жизни, увы—совершенно отпавшій отъ Церкви и сдѣлавшійся уніатомъ. Обширная диссертација протоіерея Свѣт-

лова; „Значеніе Креста въ дѣлѣ Христовомъ“ и другія его сочиненія являются тоже обоснованнымъ опроверженіемъ школьной теоріи съ различныхъ вышеуказанныхъ точекъ зрѣнія. Что касается точки зрѣнія нравственной (третьей въ нашемъ перечисленіи), то наиболѣе выпукло выразилъ ее профессоръ Д. Академіи Архимандритъ Иларіонъ, который въ одной вступительной лекціи призывалъ слушателей къ крестовому походу противъ выраженій (и самыхъ идей): искупительныя заслуги и удовлетвореніе правдѣ Божіей, какъ совершенно не церковныхъ, хотя и испещряющихъ наши учебники. Лекція эта непечатана въ осеннихъ номерахъ Богословскаго Вѣстника за 1914 или 1915 годъ. За точность датъ и заглавій я, впрочемъ, не ручаюсь, потому что пишу эти строки и страницы на Валаамскомъ островѣ Ладожскаго озера, имѣя при себѣ только Библію на разныхъ языкахъ, 3 тома своихъ сочиненій, да собственную память. Школьно-католическое (я никогда не назову его церковнымъ) ученіе объ искупленіи даетъ поводъ врагамъ христіанства къ грубимъ, но трудно опровержимымъ издѣвательствамъ. Такъ Толстой говоритъ: ваша вѣра учитъ, что всѣ грѣхи за меня сдѣлалъ Адамъ и я почему-то долженъ за него расплачиваться, но зато всѣ добродѣтели за меня исполнилъ Христосъ, и мнѣ остается только расписаться въ той и другой получкѣ.—Японскіе язычники возражаютъ нашимъ миссіонерамъ такъ: вы проповѣдуете самую неразумную вѣру, будто Богъ прогнѣвался на всѣхъ людей за одну глупость Евы, а потомъ казнилъ Своего, ни въ чемъ неповиннаго, Сына и успокоился. Когда я впервые выступилъ противъ крайностей этого ученія объ удовлетвореніи (сатисфакціи) въ статьѣ, испрошенной у меня редакціей Церковнаго Вѣстника для страстнаго номера въ 1890 году подъ заглавіемъ: „Размышленіе о спасительной силѣ Христовыхъ страстей“, то чрезъ нѣсколько дней въ пріемной митрополита Исидора, куда собралась академическая корпорація для поздравленія Владыки со Свѣтлымъ Праздникомъ, покойный Болотовъ, по своему обыкновенію полушопотомъ, привѣтствовалъ меня за „новыя перспективы въ догматикѣ“, а, когда я замѣтилъ ему въ объясненіе своей смѣлости, что теорія сатисфакціи взята католиками вовсе не изъ Божественнаго откровенія, а изъ римскаго права, то онъ, опять полушопотомъ, сказалъ:

„вѣрно, но точнѣе выражаясь,—изъ права феодальныхъ рыцарей“.

И дѣйствительно, наша учебная догматика трактуетъ такъ: Богъ оскорбленъ Адамомъ и долженъ быть удовлетворенъ чѣмъ-либо карательнымъ страданіемъ, чьею-либо казнью. Принципъ, взятый изъ римскихъ и феодальныхъ правовъ и притомъ проведенный послѣдовательно по всемъ правиламъ послѣднихъ. Оскорбленный рыцарь считался потерявшимъ свое достоинство („честь“) до тѣхъ поръ, пока онъ не отомститъ за себя. При этомъ месть должна быть вполне опредѣленная. Во первыхъ, она должна постигнуть такого-же дворянина или рыцаря, хотя бы оскорбителемъ являлся одинъ изъ слугителей сосѣдняго владѣльца, а, во вторыхъ, она должна состояться съ пролитіемъ крови, хотя бы и несмертельнымъ. Эти неразумные принципы, недостойные даже той эпохи, когда достоинство людей (въ данномъ случаѣ все-таки полуразбойниковъ) измѣрялось не столько ихъ добродѣтелями, сколько силою и ловкостью въ борьбѣ,—эти нежелательные остатки язычества у католиковъ среднихъ вѣковъ, легли въ основаніе принциповъ дуэли, и къ стыду Европы, Америки и, увы, послѣпетровской Россіи, такъ глубоко вѣлись въ общественные нравы, что сохраняютъ свое деспотическое господство надъ нашими современниками самыхъ противоположныхъ убѣжденій,—каковыми являются дуэлянты Тургеневскихъ „Отцовъ и Дѣтей“—нигилистъ Базаровъ и старый баринъ крѣпостникъ—дядя Аркадія.—Подобныя же дуэли имѣли нѣсколько разъ мѣсто между членами россійской государственной думы, столь-же радикально расходившимися между собою во всемъ прочемъ, какъ тѣ два героя Тургенева. Деспотическая сила этого предразсудка такъ велика, что на его практичной обязательности настаиваетъ и недавно введенный (въ царствованіе Александра III) законъ, а противъ нея не осмѣливаются протестовать даже такіе типы, которые во всемъ прочемъ „отреклись отъ стараго міра“, начиная съ вѣры въ Бога. Впрочемъ, гораздо непонятнѣе то, какъ могутъ рабствовать тому же предразсудку вѣрующіе и говорить: „я не считаю порядочнымъ челоукомъ того, кто кровью не отплатитъ за полученную пощечину“. Значитъ, Вы откажетесь сами отъ вступленія въ рай, сказалъ я однажды въ отвѣтъ на такое заявленіе: вѣдь

тамъ Вамъ пришлось бы быть „въ дурномъ обществѣ“; посмотрите на иконостасъ въ церкви: здѣсь очень мало такихъ, которые не были биты и по щекамъ и по всему тѣлу, начиная съ Христа Спасителя и Его Апостоловъ, и ни одинъ изъ нихъ не исполнилъ того, безъ чего по Вашему мнѣнію нельзя считаться порядочнымъ человѣкомъ. Мой собесѣдникъ растерялся и едвали когда-либо додумается до того, какъ можно совмѣщать предразсудокъ о дуэляхъ съ вѣрой въ христіанскаго Бога и Божественнаго Искупителя.

Иначе относилось къ этому средневѣковое и позднѣйшее схоластическое богословіе: оно старалось выяснитъ именно съ точки зрѣнія дуэли самое искупленіе рода человѣческаго Христовыми страданіями. Высочайшее существо Божіе оскорблено непослушаніемъ Адама и недовѣріемъ первыхъ людей къ Божественнымъ словамъ о древѣ познанія; оскорбленіе чрезмѣрное: оно наказано проклятіемъ не только виновниковъ, но и всего ихъ потомства. Однако страданіе послѣдняго и мучительная смерть, постигающая сыновъ Адама, недостаточны для смѣтія ужаснаго оскорбленія: для сего нужно пролитіе крови не рабской, а Существа, равноцѣннаго оскорбленному Божеству, т. е. Сына Божія, Который добровольно и принялъ на Себя кару за людей, и тѣмъ исходатайствовалъ имъ прощеніе отъ разгнѣваннаго Творца, получившаго удовлетвореніе въ пролитой Сыномъ Божіимъ крови и Его смерти. Господь здѣсь показалъ и Свое милосердіе и Свою справедливость.—Мудрено возразить скептикамъ, утверждающимъ, что, еслибъ это толкованіе соответствовало откровенію, то въ послѣднемъ сказалось бы, наоборотъ, немилосердіе и несправедливость.

Богословы-схоластики пытаются все-таки возразить на это ссылкой на добровольность Христовыхъ страданій и убѣдить читателей, что любовь проявилъ не только Божественный Сынъ, пойдя на распятіе, но и Отецъ, подвергшій Его послѣднему. „Любовь Сына распинаемая, любовь Отца распинающая“.—Но вѣдь это самый неубѣдительный софизмъ, игра словами, и только. Что же за любовь, которая распинаетъ? и кому это нужно?—Мы ни на минуту не сомнѣваемся въ томъ, что людямъ было бы невозможно спастись, если бы Господь не пострадалъ и не воскресъ, но связь между Его страстью и нашимъ спасеніемъ совсѣмъ иная. Насколько

это юридическое ученіе объ искупленіи расходится съ церковнымъ отношеніемъ къ послѣднему, видно изъ того, что послѣдователямъ перваго некуда приткнуть къ дѣлу нашего спасенія того событія жизни Искупителя, которое въ православномъ церковномъ сознаніи считается наиболѣе спасительнымъ для рода человѣческаго и составляетъ предметъ праздника праздниковъ и общенароднаго духовнаго восторга. Болѣе послѣдовательные поклонники юридической теоріи, т. е. католики, у которыхъ она содержится не только въ школьной наукѣ, какъ у насъ, но и въ самой церковной жизни, унизили и самый праздникъ Пасхи и поставили его ниже праздника Рождества Христова. Что касается православной русской школы и науки, то спасительное значеніе Воскресенія Христова столь глубоко усвоенное общецерковнымъ чувствомъ, богослужебною поэзіей, впервые выяснено научно профессоромъ Несмѣловымъ, за что ему честь и слава. Честь со времени перваго прочтенія имъ лекціи о воскресеніи (около 1898 года), а слава, повидимому, только въ будущемъ періодѣ нашей богословской науки, которая за послѣднія полвѣка съ изумительнымъ безучастіемъ относилась ко всякой творческой мысли, а лишь толчется на обработкѣ ученыхъ матеріаловъ (конечно, это дѣло тоже полезное) и на компилированіи бездарныхъ нѣмецкихъ монографій (а это дѣло почти бесполезное). Но, позвольте, скажутъ мнѣ читатели: какое право вы имѣете утверждать, будто юридическая теорія чужда Св. Писанію и Св. Преданію? Развѣ Господь Спаситель не именуется тамъ жертвою, очистилищемъ, Его кровь—искупительною, мы—купленными Его кровью, выкупленными Его жертвой, при чемъ одни изъ отцевъ утверждали, что жертва эта принесена имъ Отцу, а другіе,—что диаволу, овладѣвшему нами? развѣ не говоритъ Апостоль, что грѣхи наши пригвождены (слѣдовательно уничтожены) ко кресту Христову, что Отецъ Небесный не пощадилъ для нашего спасенія Своего Единороднаго Сына и прочее, и прочее? Правда, скажутъ намъ наиболѣе освѣдомленные въ Откровеніи читатели: тамъ нѣтъ выраженій—удовлетвореніе правдѣ Божіей и искупительныя заслуги Сына Божія, но создавшіе ихъ схоластики не подвели ли только итогъ тѣмъ мыслямъ объ искупленіи, которыя имѣются въ Библии и у отцевъ?

Такіе вопросы предлагались мнѣ на одномъ изъ собраній Харьковскихъ законоучителей, когда я изложилъ свою бесѣду о догматѣ искупленія, которая была принята съ большимъ сочувствіемъ, но которой мысли поразили своею неожиданностью нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ и убѣжденныхъ законоучителей настолько, что они говорили: приходится разставаться съ тѣмъ, что намъ вкладывали въ голову въ продолженіе 14 лѣтъ обученія въ духовномъ училищѣ, семинаріи и академіи.—Но тутъ рѣчь шла о *заслугѣ*, а что касается до выраженій Св. Писанія и отеческихъ сейчасъ нами приведенныхъ, то, Боже сохрани, чтобы мы дерзнули ослаблять ихъ значеніе: напротивъ, мы постараемся дальнѣйшее истолкованіе догмата не только привести въ полное съ ними согласіе, но и устранить кажущіяся противорѣчія между Отцами Церкви (жертва Отцу или жертва діаволу), столь злорадно подчеркиваемыя протестантами и ихъ русскими почитателями. Но это дѣло дальнѣйшихъ страницъ нашей работы, а теперь перейдемъ къ положительному изъясненію догмата.

II.

Не легкое это дѣло, да притомъ въ особенности для читателей богослововъ; нелегкое не потому, что изложеніе его требовало какихъ-либо крайне отвлеченныхъ построеній, а потому, что сознаніе читателей или слушателей, богословски образованныхъ, настолько пропитано юридической теоріей, что освободиться отъ нея не могли и самые ея оппоненты, напр., проф. Свѣтловъ, проф. Несмѣловъ. Это выразилось въ томъ, что послѣдній, опровергая принципъ удовлетворенія Бога Отца жертвою Христовою, сохраняетъ за нею значеніе, какъ удовлетворенія человѣческой совѣсти самихъ искупаемыхъ, которые де не могутъ воспринять идеи примиренія съ Богомъ безъ посредства факта отмщенія. Профессоръ о. Свѣтловъ почти совѣмъ обходитъ вопросъ: почему для насъ спасительны Христовы страданія, и говоритъ о преимущественномъ значеніи для нашего спасенія не столько Христовыхъ страданій, сколько Его воплощенія, о значеніи котораго много училъ св. Аванасій Великій ¹⁾.

¹⁾ Прот. Свѣтловъ. „Значеніе Креста въ дѣлѣ Христовомъ“. Книга очень цѣнная, какъ критика западныхъ лжеученій о семъ предметѣ и самой юридической теоріи по существу.

Тѣ же мысли развиваетъ и архимандритъ Иларіонъ, но прямого отвѣта на приведенный вопросъ у нихъ нѣтъ, и, когда на диспутѣ о Свѣтлова (1892 или 1893 г.), я, въ качествѣ оппонента, указалъ на то, что въ диссертации не отмѣчена связь между Христовыми страданіями и самымъ спасеніемъ, то онъ отвѣчалъ приблизительно такъ, — что связь эта не поддается научнымъ опредѣленіямъ, а только живому чувству.— Не доводя до опредѣленнаго отвѣта на сей вопросъ свои изслѣдованія и такіе уважаемые профессора, какъ П. П. Пономаревъ и прот. Н. В. Петровъ.

Весьма убѣжденный и работающій профессоръ Кіевской Д. Академіи Скабаллановичъ на лекціи по догматическому богословію (1908 года), которую я слушалъ въ качествѣ ревизора академіи, оказался такъ глубоко убѣжденнымъ въ логической неуловимости этой связи, что подтверждалъ свое убѣжденіе отрицательною ссылкой на Отцевъ Церкви. Именно, онъ указывалъ на то, что Отцы, не отказывавшіеся приводить разумные доводы въ поясненіе самыхъ возвышенныхъ догматовъ — Троицы и Богочеловѣчества, — не пытались однако объяснять, почему для насъ спасительны Христовы страсти. Онъ очень удивлялся, когда я, послѣ лекцій, въ корридорѣ, выразилъ ему обратную мысль, именно ту, что современники Отцевъ такъ ясно разумѣли искупительную благодать, что она для нихъ не нуждалась въ объясненіи, какъ, напр., теперь совершенно нѣтъ нужды объяснять сельскимъ прихожанамъ, что такое смиреніе, умиленіе, покаяніе, а интеллигенція весьма нуждается въ изъясненіи этихъ добродѣтелей, съ нѣкотораго времени ей совершенно чуждыхъ. Подобно этому образованные христіане, со временъ среднихъ вѣковъ застрявшіе въ религіозно-юридическихъ понятіяхъ, лишились того непосредственнаго сознанія или духовнаго ощущенія своего единства съ сострадающимъ намъ въ нашей борьбѣ Христомъ, которое такъ живо хранилось въ сердцахъ древнихъ христіанъ, что истолкователямъ догматовъ и словъ Новаго Завѣта и въ голову не приходило о необходимости изъяснять то, что всѣ и такъ чувствуютъ.— А насколько это необходимо и трудно теперь, въ этомъ я убѣдился года четыре тому назадъ, когда въ продолжительной бесѣдѣ съ однимъ симпатичнымъ кандидатомъ богословія ортодоксальнаго семинарскаго направленія довольно по-

дробно изложилъ все то, о чемъ читатель прочитаетъ дальше, и затѣмъ увидѣлъ, что мой собесѣдникъ все-таки не понялъ дѣла,—хотя послѣднее вполне сознательно усваивали старшіе гимназисты, менѣе пропитанные юридическою теоріей, когда я, посѣщая классы гимназіи, предлагалъ бесѣду о томъ же предметѣ.

И добро бы та юридическая теорія имѣла за себя хотя бы кажущуюся логичность, а то обличать ея внутреннее противорѣчіе теперь уже становится „общимъ мѣстомъ“, и ея недавній защитникъ (Левитовъ въ „Вѣра и Разумъ“ 1916 г.) самъ же ее опровергаетъ, какъ бы „устраивая ея крайности“, за устраненіемъ которыхъ отъ той теоріи ничего не остается.

Мы заявили свою неудовлетворенность тою точкой зрѣнія, по которой сила нашего искупленія переносится съ событія Христовыхъ страданій на событіе Его воплощенія. Хорошо однако то, что авторы подобнаго направленія расширили представленіе искупительнаго подвига Господа на всю Его земную жизнь, какъ это и выражено въ тайносовершительной молитвѣ св. Василія Великаго: по сущности своей мысли они все-таки не объясняютъ.—Господь принялъ наше естество, уподобился намъ: но почему Его святость на насъ переходить? по удобству подражать подобному намъ Совершенному Человѣку? Отчасти, конечно, такъ, но такимъ, только социніанскимъ, объясненіемъ не удовлетворялись и назвапные православные ученые.

Въ какомъ же именно условіи Христова воплощенія, и прибавимъ — страданій, заключается самая причина, самая дѣйствующая сила (*causa efficiens*) того, что мы становимся при собственномъ стараніи лучшими? Почитать спасительнымъ самое вочеловѣченіе Христа потому только, что Онъ явился въ челоѣкѣ видъ совершенства? но вѣдь это спасительно, т. е. славно для Него самого, а почему для насъ?— „Въ Немъ освятилось челоѣческое естество!“ Несомнѣнно такъ, но пока выходитъ, что—лишь постольку, поскольку оно выразилось въ Его личности, а мы почему отсюда получимъ освященіе и исправленіе? Вѣдь, если какой-либо челоѣколюбивый царь, утаившись, пойдетъ жить въ тюрьму съ арестантами и перенесетъ всѣ ихъ труды и лишенія, то это будетъ только его личный подвигъ, а не всѣхъ арестантовъ. Конечно, онъ повліяетъ и на послѣднихъ своимъ примѣромъ

и словами увѣщанія, но вѣдь мы же согласились отнюдь не сводить таинства искупленія только къ примѣру святой жизни Спасителя и возрождающей силѣ Его ученія.—Говорятъ: Онъ воспринялъ насъ въ свое естество, — но чѣмъ же именно? На какое понятіе, дѣйствіе или чувство Христова должно указать въ отвѣтъ на такой вопросъ — въ творительномъ падежѣ *ablativus instrumenti*?—Отвѣта на это мы не нашли у названныхъ авторовъ; не нашли его и въ прекрасной диссертации архіепископа Сергія, хотя его темой такой вопросъ, пожалуй, и не ставится („Православное ученіе о спасеніи“; теперь вышло уже четвертое изданіе).

Мы указали на эту книгу въ виду той огромной косвенной услуги, которую она оказала для правильнаго истолкованія связи между Христовымъ подвигомъ и нашимъ спасеніемъ. Именно она, опираясь всецѣло на Отцевъ Церкви, коихъ изреченія въ огромномъ количествѣ приводятся авторомъ, устанавливаетъ ту простую, но утерянную схоластическимъ богословіемъ Запада истину, что спасеніе наше есть не иное что, какъ наше духовное усовершенствованіе, подавленіе похотей, постепенное освобожденіе отъ страстей и общеніе съ Божествомъ. — Иными словами — диссертация А. Сергія совершенно освобождаетъ понятіе о нашемъ спасеніи отъ тѣхъ вѣѣ-моральныхъ, юридическихъ условностей, коими латиняне и протестанты (хотя въ различныхъ направленіяхъ) глубоко понизили самую цѣль христіанства, выраженную въ словахъ Апостола: „сія есть воля Божія — святость ваша“ (1 Сол. 4, 3)¹⁾.

Насколько глубоко такое отступленіе отъ высшаго начала Евангелія, которое мы бы назвали *нравственнымъ монизмомъ*, вкоренилось въ наше школьное сознаніе, видно изъ того, что тому-же Преосв. Сергію покойный профессоръ Муретовъ дружески, но горячо возражалъ на диспутъ, будто понятіе спасенія гораздо сложнѣе, чѣмъ понятіе о личной

¹⁾ По русскому тексту—„освященіе“; здѣсь переводчики подчинялись протестантской тенденціи; неточность перевода явствуетъ изъ самаго контекста: „дабы вы воздерживались отъ блуда“. а также изъ 7-го стиха той же главы, гдѣ то же греческое слово *ἁγιωσύνη* переведено святость („призвалъ васъ Богъ не къ нечистотѣ, а къ святости“); такъ же переведено это слово Рим. 6, 19 и 22; 1 Сол. 4, 4; 1 Тим. 2, 15; Евр. 12, 14.

(субъективной) святости и богообщеніи, ибо сюда же надо присоединить понятіе *оправданія*, т. е. состояніе *оправданности*—отъ положеннаго Адаму карательнаго приговора, безъ чего—значить—и личная святость не могла бы достигнуть царства небснаго. Помню, тутъ и я вступилъ въ бесѣду и заявилъ, что въ Новомъ Завѣтѣ, и въ частности у Ап. Павла, понятіе оправданія вовсе не имѣетъ такого исключительнаго значенія, но равнозначуще понятію праведность, т. е. безпорочность, безстрастіе, добродѣтель, что и выражается греческимъ словомъ *δικαιοσύνη*, которое однозначуще съ *ἀγιοσύνη*, *ἀρετή* и т. п.; послѣднее подтвердилъ талантливый и просвѣщенный, но вообще обычно не богословствовавшій профессоръ Ключевскій (историкъ), заявивъ, что онъ изучилъ много древнегреческихъ юридическихъ актовъ и документовъ и можетъ заявить, что понятіе *δικαιοσύνη* вездѣ имѣетъ только правственный смыслъ и никогда не юридическій, каковой выражается по гречески словомъ *δίκη*¹⁾.

1) Позволимъ себѣ одно маленькое отступленіе, небезынттересное для читателей, близкихъ къ академической и церковной жизни. Можетъ быть, въ приведеніи этихъ фактовъ и эпизодовъ сказывается уже болтливость начинающаго старѣть автора, но да будетъ ему оказано въ томъ снисхожденіе: вѣдь еще въ дѣтствѣ мы всѣ переводили латинское предложеніе изъ грамматики: *Seneces garulli sunt*, т. е. „старикъ бываетъ болтливъ“.

Недавно я съ удовольствіемъ читалъ характеристику Преосв. Сергія въ сноподальной газетѣ. Къ перечисленнымъ тамъ достоинствамъ его должно прибавить полное отсутствіе честолюбія и искательства, точнѣе—усилить значеніе этого качества, которое тамъ тоже не замолчано. Зато въ той характеристикѣ совершенно несправедливо отрицается активное и почти главное участіе Владыки въ составленіи уставовъ духовно-учебныхъ заведеній 1911 года. Преосвященный по поводу сего посылалъ письмо въ редакцію, но оно не было напечатано. Что касается до его неискательности, то она сказала въ томъ обстоятельствѣ его жизни, что магистромъ его сдѣлали *почти насильно*. Именно, когда онъ прослужилъ одинъ годъ и д. инспектора Московской Академіи, и, по обнаруженіи у него прецедентовъ туберкулеза, былъ отправленъ въ теплый климатъ на временную синекуру, въ настоятели посольской церкви въ Авинахъ (напутствуемый любовью профессоровъ и студентовъ, поднесшихъ ему архимандричій крестъ съ подписью І. Фесс. 3, 6 отъ полу): то друзья его убѣждали переработать тамъ на досугѣ свою кандидатскую работу, о высокихъ достоинствахъ которой всѣмъ было извѣстно, на магистра. Но о. Сергія въ отвѣтъ на это махнулъ рукой и говорилъ, что никогда не будетъ помогать ученымъ степеней. Тогда его просили, по крайней мѣрѣ, помѣщать свою кандидатскую частями въ новомъ нашемъ журналѣ „Богословскій Вѣстникъ“, нуждавшемся въ сотрудникахъ. На

Бесѣда насъ четырехъ о праведности и оправданіи, т. е. объ этическомъ (нравственномъ) и юридическомъ пониманіи искупленія, явилась неожиданною для самыхъ оппонентовъ (т. е. М. Д. Муретова); но въ послѣдствіи я досмотрѣлъ, что на нашей сторонѣ были несравненно сильнѣйшіе резоны, чѣмъ простое истолкованіе изреченій по контексту рѣчи, Дѣло въ томъ, что даже русскій текстъ Библии, носящій на себѣ вообще отбѣнки протестантскаго вліянія (что можете усмотрѣть во всѣхъ почти курсивахъ Н. Завѣта, т. е. домыслахъ переводчиковъ и въ предпочтеніи еврейскаго текста въ В. Завѣтѣ греческому), только 7 разъ влагаетъ въ уста Ап. Павла слово „оправданіе“, а правда (т. е. праведность) у него повторяется 61 разъ. Мало того, изъ семи случаевъ „оправданіе“ привнесено въ русскій текстъ три раза ошибочно вмѣсто *правды*¹⁾, какъ это въ греческомъ и славянскомъ. Послѣдній ни разу не передаетъ греческаго слова *δικαιοσύνη* какъ *оправданіе*, а всегда какъ *правда* (праведность), словомъ же *оправданіе* славянскіе переводчики переводили греческое *δικαίωσις*, *δικαίωσις*—понятіе, противоположное осужденію, обвиненію, и приводимое Апостоломъ именно въ такомъ контрастѣ съ этими понятіями (т. е. осужденіемъ)—Рим. 4, 25; 5, 16, 18, и 8, 4); сверхъ того, и славянскіе пе-

ого олъ согласился, и совершенно не зналъ, что изъ его статей сохраняются оттиски, переплетаются вмѣстѣ, и по окончаніи печатанія вносятся въ Совѣтъ, какъ диссертація. Совѣтъ набираетъ рецензентовъ и оппонентовъ, заслушиваетъ ихъ отзывы, а по времени пріѣзда автора въ канікулярную побывку отъ него отбираютъ прошеніе и назначается диспутъ. Диспутъ былъ настолько интересный (какъ видѣлъ уже читатель—не діалогическій, а полилогическій), что въ концѣ его профессоръ Ключевскій сказалъ мнѣ такъ: „я буквально наслаждался эти два часа; за 24 года—эпохи академическихъ диспутовъ—ничего подобнаго у васъ не было“. Такимъ то контрастомъ явился чуждый всякаго честолюбія талантливый авторъ многимъ магистрамъ и докторамъ послѣднихъ лѣтъ, когда составленіе диссертацій почти перестаетъ быть вкромѣ научной любознательности, а только служебной карьеры и вѣрѣдко исполняется наймитами за деньги, что и сказывается въ комическихъ эпизодахъ на диспутахъ.

¹⁾ Т. е. вмѣсто „правда“, „праведность“, какъ въ славянскомъ, соответственно греческому *δικαιοσύνη* (Рим. 3, 24. 2 Кор. 3, 9 и Гал. 2, 21), гдѣ контекстъ требуетъ не юридическаго, а нравственнаго (этическаго) понятія, какъ въ прочихъ изреченіяхъ Ап. Павла, переведенныхъ даже въ русскомъ текстѣ словомъ—„правда“.

реводчики неправильно переводятъ чрезъ оправданіе то же греческое слово *δικαιωσις*, *δικαιομα*, когда оно имѣетъ значеніе „закона, устава“ (Римл. 1, 32; 2, 26. Евр. 9, 1 и 10, также Лук. 1, 6, Апок. 15, 4). Изъ всего этого ясно, что Павлова „правда“ (*δικαιοσύνη*) получила у нашихъ академическихъ богослововъ юридическій характеръ вовсе не непосредственно изъ Св. Писанія, а чрезъ лютеранское богословіе, которое за 400 лѣтъ своего существованія всю энергію направляло къ тому, чтобы ослабить нравственный, подвижническій смыслъ христіанства и замѣнить его ученіемъ о беззаботномъ успокоеніи своего сердца въ Искупителѣ и о совершенной ненужности подвига и борьбы со зломъ въ своей душѣ и въ своей жизни.

Мы остановились на положеніяхъ, выяснившихся на описанномъ диспутѣ для того, чтобы облегчить свое дальнѣйшее разъясненіе слѣдующимъ выводомъ изъ вышесказаннаго: отвѣтить на вопросъ—почему для насъ спасительны Христово воплощеніе, страданія и воскресеніе?—значить указать на связь этихъ свящ. событій съ нашимъ стремленіемъ къ совершенству, съ нашею внутреннею борьбою между добромъ и зломъ,—значить отвѣтить, чѣмъ помогаетъ намъ Христова страсть въ этомъ дѣлѣ, почему безъ нея мы не могли бы достигать святости и общенія съ Богомъ, подаваемого намъ, какъ извѣстно, по мѣрѣ достиженія человѣкомъ безстрастія и святости.

Итакъ мы заявляемъ, что наличность трудовъ Прот. Свѣтлова, Архієпископа Сергія и др. авторовъ освобождаютъ насъ отъ обязанности доказывать, 1) что юридическое ученіе объ искупленіи перешло къ намъ отъ латинянь, а не отъ св. Отцовъ, и 2) что искупленіе есть не иное что, какъ дарованіе намъ благодатной способности совершать свое спасеніе, а спасеніе есть духовное совершенствованіе чрезъ нравственную борьбу и богообщеніе.

О прочихъ выраженіяхъ и изреченіяхъ Св. Писанія, дающихъ мнимое основаніе для юридической теоріи мы скажемъ ниже, а теперь уже пора перейти къ главной мысли нашей работы.

Архієп. Антоній.

(Продолженіе слѣдуетъ).